

Е.Е.Красноженова, А.И.Корсак

АКТЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ (ЧГК) КАК ИСТОЧНИК ПО ГЕНОЦИДУ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ (1941—1944 ГГ.)

Статья посвящена анализу свидетельств очевидцев преступлений нацизма на территории Северо-Запада России и Беларуси, нашедших отражение в актах Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) и многочисленных свидетельских показаниях. Исходя из содержания документов ЧГК, можно условно выделить несколько категорий преступлений оккупационных властей на исследуемой территории: преступления против мирного населения, в том числе геноцид евреев и цыган; карательная политика нацистов в отношении жертв сожженных деревень; преступления в отношении узников лагерей для военнопленных и гражданского населения, тюрем; угон мирного населения на принудительные работы на территорию Третьего рейха. Документы ЧГК по расследованию немецко-фашистских преступлений на территории Беларуси и России являются значимым источником для их раскрытия. При этом существенную роль играют и низовые материалы — протоколы допросов, заявления очевидцев, в которых зафиксирована ценная информация, позволяющая воссоздать картину происшедших событий на оккупированной территории и сохранить память о жертвах нацизма.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Северо-Запад, Беларусь, оккупация, нацизм, преступления, очевидцы, жертвы, акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК)

Исследование проблемы уничтожения мирного населения в годы нацистской оккупации 1941—1944 гг. приобрело в последние годы большую актуальность. Связано это, в том числе, и с введением в научный оборот новых ранее малоизученных архивных документов, которые позволяют исследователям расширить и углубить научное поле.

Документы, изобличающие преступную деятельность нацистских оккупантов, публиковались советским руководством начиная с 1942 г., а в 1943 г., когда размах преступлений приобрел неизмеримые масштабы, была создана Чрезвычайная государственная комиссия. В белорусской и российской историографии как советского, так и постсоветского периода основное внимание уделялось итоговым документам — актам, но мало кто обращался к анализу низовых документов, представленных рукописными материалами по итогам опросов и допросов свидетелей, очевидцев и участников событий. Ведь по сути данный блок свидетельствований имеет определённые свойства воспоминаний.

В связи с этим в данной статье документы и материалы ЧГК будут проанализированы в качестве основного источника по геноциду гражданского населения на оккупированной территории Северо-Запада России и Беларуси. Территориальные границы исследования соотносятся с Витебской областью (Беларусь) в современных границах и Северо-Западом России.

Исходя из содержания документов ЧГК, можно условно выделить несколько категорий преступлений оккупационных властей на исследуемой территории:

- преступления против мирного населения, в том числе геноцид евреев и цыган;
- карательная политика нацистов в отношении жертв сожженных деревень;
- преступления в отношении узников лагерей для военнопленных и гражданского населения, тюрем;
- угон мирного населения на принудительные работы на территорию Третьего рейха.

Основное внимание в документах и материалах ЧГК уделяется непосредственно тем преступлениям, которые отложились в памяти свидетелей и очевидцев.

Так, очевидец В.Курковский видел на гатчинском рынке двух повешенных мальчиков лет 10-12. Очевидец Леонтьева видела вывешенный на здании полиции список 15 человек мужчин и женщин, расстрелянных «за желание уехать в Ленинград». Очевидец Красовский видел зимой 1942 г. на заборе у рынка список 13 человек мужчин и женщин, которые были, как указано в заголовке списка, приговорены к расстрелу «за грабеж». Очевидица Тихомирова Е. видела в июне вывешенный у рынка список 15 юношей и девушек, расстрелянных «за попытку перейти линию фронта». Очевидец В.Курковский читал летом 1942 г. расклеенный по городу список 30 юношей и девушек, расстрелянных за подозрение в помощи партизанам. Очевидица Сыцко С. видела в июне 1942 г. на здании Биржи список 20 человек девушек и мужчин, расстрелянных и повешенных, согласно указанному в заголовке, «за связь с партизанами» [1, л. 2-10].

Немецкие оккупанты больше всего боялись партизан и особо жестокими мерами боролись с ними. Как рассказывает очевидец Алексеев Александр, «при вступлении в город (Гатчину), немецкое командование боялись, что оставшиеся в городе мужчины могут установить связь с партизанами, на ночное время с 6 часов вечера до 7 часов утра всех мужчин города сгоняли во двор школы № 3, и так продолжалось в течение одного месяца». Как устанавливают очевидцы Прокофьева, Красовский, Бруно и другие, достаточно было со стороны немцев малейшего подозрения в связи с партизанами, укрывательства их или даже сочувствия им, как заподозренные семьи исчезали без следа. Так исчезла Цвель Лидия, Котт Анна Федоровна, Дударенко Мария

Кузьминична, Гаврюшин — главный бухгалтер лесхоза и его жена Гаврюшина Ольга Николаевна, Станкевич Вера, семья Тополевых, состоявшая из старушки, дочери и внука, и многие другие. Некоторые из арестованных за связь с партизанами лиц потом находили в лесу повешенными и расстрелянными [1, л. 2-10]. Эти и другие преступления нацистов нашли отражение в акте Гатчинской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории города.

Жестоко относились фашистские захватчики и к детям. Они не только расстреливали и вешали наравне с взрослыми и детей по подозрению в краже или в связи с партизанами, не только оставляли без всякого присмотра маленьких ребят, арестовывая и уводя их матерей, но и глумились и издевались над детьми. В акте Гатчинской комиссии содержатся показания Новикова Григория: «Я видел, как немец застрелил мальчика лет десяти, подошедшего к окну попросить милостыню» [1, л. 2-10]. Новиков однажды наблюдал, как немец, стоявший в дверях детского дома, зверски избивал его воспитанников, опоздавших с возвращением в детский дом. В том же документе Юрьева Валентина сообщает: «В феврале 1942 г. я приехала в Гатчинский детский дом. За это время я видела сама, как немцы избивали наших советских детей и слышала много рассказов об издевательствах над детьми. Один раз: летом 1943 мальчик из нашего детского дома Сикалов Коля 6 лет пошел просить хлеб, так как питание нам давали очень мало и мы голодали. За то, что Коля попросил хлеба, немецкий солдат схватил его и бросил в люк со смолой. Мальчики из детского дома вытащили его, а то он утонул бы там» [1, л. 2-10].

Геноцид еврейского населения на оккупированных советских территориях начал осуществляться с момента наступления вермахта в июне 1941 г. Данный процесс происходил на глазах у местных жителей, поэтому не удивительно, что значительный пласт свидетельств в деталях подробностях раскрывает «окончательное решение еврейского вопроса». Более того, фактически каждый документ ЧГК начинается с фиксации фактов уничтожения евреев — на каждый случай массового уничтожения узников гетто приходится от двух до пяти свидетельских показаний. Так, Л.М.Попучко рассказывал о расстрелах евреев г. Порхова Псковского округа Ленинградской области в период его оккупации: «В то время никто из нас и не знал, куда девались евреи, отвезенные к военному городку и только весной 1942 г., когда сошел снег, стало известно, что все евреи были расстреляны немцами за военным городком... В этой кровавой расправе над евреями немцы расстреляли более 40 человек, в том числе: Маллер, Юдолович, Каим, Гирш, Левин, Шестаков, Либерман, Каплан, Ципкин, Виткин, Ляховский и др. с семьями» [2, л. 1-11]. Псковский врач И.М.Михайлов свидетельствовал, что «в январе 1942 г. в одну ночь все евреи (дети, старики и пр.) были арестованы и вывезены и, по рассказам моих пациентов и других граждан, расстреляны у Ваулиных гор (в 4 км от Пскова)» [3, л. 169].

Исключение составляют единичные случаи расстрелов евреев. Крайне редко выявляются случаи, когда в документах в отношении еврейского населения не указывалась национальность. Примером служат материалы ЧГК по Плисскому р-ну Полоцкой области [4, л. 2-2об].

Геноциду еврейского населения на исследуемой территории посвящено достаточное количество публикаций [5; 6; 7; 8], в том числе и авторами данной статьи, поэтому основное внимание обратим на факты уничтожения по расовому признаку ещё одной этнической группы. Проблема уничтожения цыганского населения на рассматриваемой территории не была объектом отдельного научного дискурса. Данный вопрос рассматривался в рамках всей карательной политики нацистских оккупантов в 1941—1944 гг., но без конкретизации каких-либо свидетельств и фактов. В этой связи документы ЧГК представляют собой особый интерес.

На территории Витебской области таковые случаи описаны в г. Браслав, д. Друйск Браславского р-на, г. Глубокое и г. Полоцк. Так, в актах ЧГК по Браславскому р-ну в целом не указаны факты о расстреле цыганского населения, только в одних показаниях свидетеля содержится информация подобного рода. Так, в деле Браславской районной комиссии выявлено два протокола допроса одного и того же свидетеля — один на бланке от руки [9, л. 36-37об], второй — рукописный [9, л. 151-151 об]. При этом подчерк разный, т.к. вели протокол в первом случае — ст. следователь Браславского р-на, капитан госбезопасности Богданов, во втором — следователь Браславского р-на Логинов. Для сравнения характера подачи фактов приведем выдержки из документов. В первом документе: «Мне вспоминается один характерный случай, когда-то усиленным конвоем проводили 17 или 18 человек цыган, которых всячески избивала охрана и форменным образом глумились над ними и вскоре услышал выстрелы — цыгане были расстреляны» [9, л. 37]. Во втором: «В 1942 году помню однажды немцы вели цыган человек 18 в конец гор. Браслав и расстреляли, за что, не знаю» [9, л. 151 об]. Очевидно, что более эмоционально окрашенным является протокол на бланке, второй конкретизирует год происшествия и точно называет цифру в 18 человек. Следует учитывать не только личность следователей, но и состояние самого свидетеля, о котором можно только догадываться исходя из построения предложений. Тем не менее, благодаря свидетельским показаниям гр. Гейтана факт расстрела цыган в г. Браславе зафиксирован в протоколе.

По каким-то причинам в итоговом акте по Браславскому р-ну отсутствует информация об уничтожении цыган в количестве от 9 до 13 человек в д. Смутьки этого же р-на, где они и захоронены. В отличие от предыдущего случая, здесь имеются свидетельские показания трех человек [9, л. 19-20 об, 21-21 об, 68-68 об], собранные следователем Браславского р-на Сидоровым, в которых по факту расстрела цыганского населения указана одна и та же информация. Разница только в количестве жертв: в двух документах указано 9 человек [9,

л. 20 об, 21 об], и только в показаниях гр. В.А.Высоцкого другая цифра: «На наших глазах... в д. Смутьки расстреливали 13 человек цыган» [9, л. 68 об]. Если довериться фразе «на наших глазах», то можно вести речь о 13 жертвах, но в то же самое время имеется два показания о 9 жертвах. Проанализировав свод захоронений Браславского р-на периода Великой Отечественной войны, приходим к пониманию, что данное место не учтено.

Отдельно стоит обратить внимание на документы ЧГК Глубокского р-на. Факты уничтожения цыганского населения зафиксированы в итоговом акте ЧГК [10, л. 8-11] и в двух протоколах опроса свидетелей [10, л. 12-13 об, 32-37]. Свидетельские показания А.А.Соболевского малоинформативны и носят обобщенный характер [10, л. 13]. А вот на факты, изложенные в материалах опроса Смольского А.Я., стоит обратить внимание: «На протяжении почти всего сентября месяца 1941 г. я ежедневно наблюдал, как полиция приводила в помещение полиции и жандармерии где-то ими задержанных группами от 20 до 30, а иногда и больше, цыган со своими подводами. Среди этих цыган были мужчины и женщины, старые и дети и больные. Подводы эти цыган оставляли на улице, а цыган вводили в помещение полиции и жандармерии. После непродолжительного пребывания этих цыган в помещении полиции и жандармерии их выводили во двор полиции, а больных подводили туда же на подводах и собирали их там группами от 20 до 30, а иногда и больше человек. Их как правило на ночь оставляли под открытым небом, а с рассветом на следующий день под конвоем полиции и жандармерии, которые окружали их со всех сторон и с протянутой вокруг веревкой уводили по направлению в Борок» [10, л. 33]. Более того, исходя из его показаний, он являлся очевидцем расположения расстрелянных жертв из числа цыган в могилах на территории урочища Борок, что позволило ему констатировать примерное число жертв в количестве около 1 000 человек [10, л. 34]. Следует отметить, что урочище Борок около г. Глубокое стало местом массового захоронения евреев, цыган, советских и итальянских военнопленных.

Последним местом, которое отмечено фактом уничтожения цыганского населения на территории Витебской области в современных границах [11, л. 54-54 об], является г. Полоцк. Свидетельница М.Я.Устинович: «...в начале февраля 1943 г. на моих глазах в один день увезли на расстрел цыган 2 автомашины в количестве 100 человек одних стариков, женщин и детей, среди них было много грудных детей» [11, л. 54 об]. Но, к сожалению, не указано место уничтожения и захоронения. Можно предположить, что их увезли на территорию урочища Пески, которое явилось местом массового захоронения не только советских военнопленных, но и мирного гражданского населения, ставшего жертвами германского оккупационного режима 1941—1944 гг. В какой-то мере повторяет картину с цыганами г. Глубокое в плане места захоронения.

Факты преступлений нацизма в отношении цыган нашли отражение и в актах ЧГК районов Северо-Запада России. Так, в акте Новоржевской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников приводятся показания Чистяковой Марии из дер. Орша, которая «рано утром на 2-й день после расстрела советских граждан по национальности цыгане проезжала по дороге через бывший совхоз «Красный Лебединец» и лично видала массу трупов расстрелянных и замученных цыган, у многих трупов не было головы, повсюду валялись отрубленные руки и ноги и женские волосы, вырванные немцами из головы женщин во время пыток, грудные дети находились убитыми вместе с матерями» [12, л. 18-20 об].

Представленные документы — это лишь малые свидетельства трагедии цыганского народа, о которой мало упоминается не только в научном сообществе, но и в процессе сохранения памяти о жертвах нацистского оккупационного режима в целом. Участь цыган настигла и еврейское население оккупированной территории Северо-Запада России и Беларуси, они подлежали немедленному и безжалостному уничтожению по расовому признаку.

Трагедия сожженных деревень и их жертв в ходе карательных операций, проводимых оккупантами на территории Беларуси и России в целом в период с 1941 по 1944 гг., — самая информативная и эмоциональная составляющая всего пласта документов ЧГК.

Так, в акте Оредежской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о сожжении деревень, расстреле и уgone в немецкое рабство жителей Пантелеевского сельсовета Оредежского района Ленинградской области приведены свидетельские показания о полном сожжении немецко-фашистскими захватчиками следующих населенных пунктов Пантелеевского сельсовета Оредежского района Ленинградской области: Великое Село, Караж, в дер. Хлупино сожжено 25 домов, в дер. Кашицы сожжено 20 домов, в дер. Борщево — 25 домов [13, л. 49].

На материалах опроса очевидцев основывался акт Порховской специальной комиссии о сожжении деревни Красухи Красноармейского сельсовета Порховского района Ленинградской области. 27 ноября 1943 г. деревня в количестве 28 жилых домов и 50 хозяйственных построек была сожжена отрядом немецких войск. В оставшиеся целыми два гумна были загнаны местные жители в числе 280 человек и все здесь были расстреляны.

Оставшийся в живых свидетель трагедии, житель дер. Кузнецово Красноармейского сельсовета сообщил Порховской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников: «28 октября 1943 г. в нашу деревню прибыл немецкий карательный отряд, который согнал всех жителей деревни в два дома, когда меня и двух сыновей, 17 и 9 лет, привели в дом, там было уже много народу. Туда же пришел немецкий комендант и подал команду “расстрелять” солдатам. Меня ранило, и я притворился мертвым. Среди нас была женщина с грудным ребенком, который сильно кричал,

немцы расстреляли сначала его, а потом и мать. Это была жуткая картина — женщина и дети страшно кричали, но их все же расстреляли. Среди них мой сын Григорьев Николай, рождения 1926 г., старик Григорьев Сергей, 67 лет и многие другие. Когда услышал, что немцы вышли из хат, и что мой сын среди трупов движется, он оказался раненым, но нам удалось выскочить через окно, так как дом уже пылал, также горела и вся деревня. В доме, откуда нам удалось спастись, расстреляно и сожжено 19 человек. Спрятавшись в лесу, я увидел мальчика подростка с нашей деревни Григорьева Виктора, который рассказал, что остальных жителей нашей деревни в количестве 29 человек согнали в другой жилой дом, где расстреляли, а потом подожгли весь дом, а ему удалось выскочить через окно. От него же я узнал, что там была расстреляна и сожжена моя жена Григорьева Анастасия Ивановна 1897 года рождения с сыном Петром 8 лет» [2, л. 1-11].

На протоколы допроса можно посмотреть не только с точки зрения фактологии, но и обратить внимание на подачу информации очевидцами-мужчинами и женщинами. Примером могут служить документы ЧГК по Лепельскому р-ну. 9 февраля 1943 г. была сожжена д. Шерстерни Мосарского с/с и расстреляны 42 человека из числа жителей этой деревни. Из живых остались Е.К.Бондал 1880 г.р. и Е.К.Карчевская-Шестерень 1905 г.р., чьи показания и составили основу в фиксации нацистских преступлений [14, л. 83-85 об, 89-90]. Так, Евдоким Корнеевич Бондал, излагая факты, обращал внимание на процесс уничтожения населения и указывал точное количество расстрелянных. Исходя из этого, картина преступления представляется следующей: жители деревни были разделены на четыре «партии», каждую из которых, предварительно расстреляв, сжигали в нескольких домах от 7 до 18 человек. В итоге «истребили 42 человека» [14, л. 84-85].

Протокол же допроса выжившей Евдокии Климентьевны Карчевской-Шестерень насыщен переживаниями и трагедией потери собственных детей: «...моей доченьке, которую несла на руках, попала пуля в височек и она полумертвая...», «когда стрельба прекратилась, то сыночек увидел меня рядом с собой и стал плакать, говоря “мама, мамочка, спаси меня”. Я лежала рядом и боялась открыть глаза, чтобы не заметили, что я живая...», «...услышав, что мой сынок Игорь зовет свою маму, один зверь полицейский вбежал на трупы убитых, одной ногой встав на Бондала Евдокима, из автомата двумя очередями расстрелял моего мальчика, я лежала рядом и не могла защититься от зверей своего родного сына» [14, л. 89-90]. Сложно анализировать подобного рода свидетельства. Страх и испуг, как констатирует сама допрашиваемая, настолько поглотил её сознание, что какой-либо конкретики в документе сложно выявить.

Отметим, что эмоциональностью отличаются в том числе и заявления очевидцев, в памяти которых, как правило, зафиксировались те факты, которые произвели на них наибольшее впечатление. Порой процесс уничтожения гражданского населения доходил до зверского состояния, что взрослые мужчины теряли сознание от крика жертв, особенно, когда это касалось детей: «Я в то время находился в подвале... дальше на квартире нашли семью Линкевича, его с женой и 4-летнего сына... сам застрелил хозяина и его жену, а малый мальчик успел спрятаться на печку. Мизнер стащил малого за ногу с печки и ударил об пол, но мальчик кричал и поднимался бежать, тогда Мизнер пристрелил его с револьвера. Крик малого ребенка разносился по прилегающему лесу, пока пуля не прекратила его жизни. Слыша плач и крик малого ребенка, некоторые подводчики достали обморока» [4, л. 103-103 об].

Материалы ЧГК основывались не только на показаниях очевидцев и участников событий, но и исходили из разного рода информации, которой обладали опрашиваемые по пересказу кого-либо: «Слышала, что в соседней д. Ровенец также были массовые расстрелы» [15, л. 74 об], «примерно около 1 500 человек...так как мой брат производил закапывания как расстрелянных так и сожженных» [16, л. 107 об] и т.д.

Необходимо отметить, что перечень преступлений нацистов далеко не полный, так как во многих населенных пунктах оккупированной территории население отсутствовало. Это, например, касается Липского, Синявинского, Анненского, Ивановского, Поречского и Березовского с/советов Мгинского района Ленинградской области [17, л. 1-8 об].

Еще одна категория преступлений, которая отражена в документах ЧГК, относится к советским военнопленным, находящимся в лагерях на оккупированной территории. Так, в акте Мгинской районной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков о преступлениях фашистов на территории Мгинского района Ленинградской области содержатся показания очевидцев Козловой, Артемьевой, Ивановой, Быстровой, Романова, которыми установлено, что в поселках Мга и Погорелушка имелись лагеря военнопленных красноармейцев. Далее свидетели показывают условия содержания советских военнопленных в лагерях: «На день давали по 100 грамм хлеба и по пол-литра супа-бланды, а заставляли выполнять тяжелые работы, за малейшее нарушение избивали палками, а тех, которые не могли идти на работу или с работы, пристреливали» [17, л. 1-8 об].

Гражданка Симора в своем заявлении в Мгинскую районную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков писала, что она видела, как немцы привязывали военнопленных к столбу и оставляли их на морозе по несколько часов. Один из военнопленных, привязанных к столбу, умер. Далее свидетельница показала, что она видела, как истощенные от голода военнопленные в мусорной яме собирали отбросы. Это заметил немец и убил одного из пленных [18, л. 4-11].

По показанию очевидцев было установлено, что во всех лагерях, где содержались пленные бойцы Красной армии, был установлен такой режим, который неминуемо приводил военнопленных к смерти. Так, врач Чижас свидетельствовал, что ему неоднократно приходилось видеть избиение военнопленных палками, плетью [18, л. 4-11].

Бруно, Прокофьева, Красовский, Новиков были очевидцами голодания военнопленных. Они свидетельствовали, что у всех военнопленных был чрезвычайно истощенный вид. «Когда их проводили партиями по улицам, они, подгоняемые прикладами, еле передвигались, рвали по краям дороги траву, рябину подбирали на мостовой валявшиеся объедки и жадно ели. Конвоиры, заметив это, нещадно били их. Многие пленные падали на улице от слабости и не могли подняться. Таких конвоиры пристреливали на месте или добивали прикладами и сапогами и оставляли трупы валяться на земле в то время, как вся партия проходила дальше мимо. Когда встречные русские люди пытались передать пленным что-либо из еды, дать напиток, прикурить, немцы натравливали на них собак, стреляли или отгоняли палками» [1, л. 2-10 об].

Основной блок информации в аналогичных документах белорусского происхождения больше относится к местам массового уничтожения военнопленных, нежели чем к условиям содержания и т.д. В принципе это объясняется тем, что нахождение вблизи территории стационарных и пересыльных лагерей для советских военнопленных, для местного населения могло иметь непредсказуемые последствия вплоть до расстрела. Исключение составляют данные по шталагу-354 (Боровуха-1, ныне г. Новополоцк), представленные свидетелем А.А.Семеновым, который работал «мастером электросети в военном городке Боровуха-1, где содержались военнопленные» [19, л. 27-28 об].

На территории г. Глубокое (Витебская обл., Беларусь) на протяжении 1941—1944 гг. располагался лагерь для советских военнопленных, о котором в документах ЧГК имеется значительное количество свидетельских показаний. Но только в трех протоколах опроса свидетелей [10, л. 30-31 об, 48-49, 63-64 об] зафиксирован факт сопротивления советских военнопленных, спланированный или стихийно возникший из материалов не ясно.

Так, по одним данным события развивались следующим образом: «Однажды пленные не вынесли тяжелых условий, бросились тысячами на проволочные изгороди, прорвали их и стали разбегаться в разные стороны, но бежать удалось единицам, а все остальные были расстреляны из пулеметов охраной» [10, л. 31 об]. По другим, всё произошло 7 ноября 1941 г. под песню Интернационала, сменившую крики «Ура!», военнопленные бросились на охрану лагеря. На утро — «сотни трупов» и «немцы проводили проческу всех раненных и задержанных» [10, л. 48 об]. Согласно свидетельствам И.И.Яновского, третьего очевидца, всё имело отношение к зимнему периоду 1942 г., когда военнопленные «убили несколько конвоиров и сильные из них бросились из лагеря», в итоге «немцы открыли огонь по убежавшим и по тем, кто ввиду слабости остался в лагере», «около двух тысяч пленных в этот раз убежали из лагеря» [10, л. 64 об]. В то время как два факта атрибутированы по времени, то показания И.Н.Скраго нет. Поэтому сказать однозначно, это было три случая «восстания» советских военнопленных в лагере г. Глубокое или два, или одно — не представляется возможным.

В документах ЧГК по Витебской области в современных границах такой факт единственный, зафиксированный только лишь в протоколах опроса, но не внесенный при этом в итоговый документ. В целом акты ЧГК составлялись с целью отражения преступления нацистов в отношении в разным категориям жертв их карательной политики. Не маловажной, на наш взгляд, является фиксация в документах очевидцев проявления сопротивления (даже если оно происходит порой от отчаяния) со стороны жертв оккупационной политики. Фактически, других свидетельств на этот счет не имеется.

Что касается угона населения на принудительные работы в Германию, то данная категория преступлений нацистов отражена во всех итоговых документах ЧГК, и фактически во всех низовых материалах, если таковое имело место быть в том или ином населенном пункте [20].

В комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко- фашистских захватчиков поступало большое число заявлений граждан об угоне в неволю их родных, близких и знакомых. Так, Дорофеев (инициалы в документе отсутствуют — Прим. Авт.) об угоне населения г. Луги на принудительные работы свидетельствовал: «перед отступлением немцы население города Луги насильственно угоняли в Германию, погружая полными эшелонами. 5 февраля 1944 г. в числе других был схвачен и я. Население, годное к физическому труду с детьми, увозили в Германию, а негодным и больным ставились на лоб печати, и они направлялись в лагерь за проволоку, где давались бирки с номерами. Дорофеев сообщил, что с ним было угнано 1300 граждан г. Луги. Другой свидетель, Трифонов, отмечал: «8 февраля 1944 г. из полиции люди с переводчиками обходят квартиры, дают срок 20 минут одеться и идти в лагерь. Таким путем только из моего дома угнали человек десять, а соседнего до 70 человек» [18, л. 4-11].

По показаниям очевидцев Васильевой, Леонтьевой, Бруно, зафиксированных в акте Гатчинской комиссии, «намеченные к эвакуации лица предупреждались за пару дней, и в назначенный час к их дому подавалась машина, и они увозились на станцию и погружались в эшелоны. Никакие возражения и мольбы, угоняемых не принимались в расчет. Пытавшихся укрыться разыскивали и арестовывали. Бывали также облавы на улицах и захваченных людей немцы увозили, не дав даже проститься с родными» [1, л. 2-10].

О.И.Арсентьева о насильственном угоне в Германию жителей деревни Черенковицы Волосовского района свидетельствовала следующее: «27 октября 1943 г. население дер. Черенковицы было по распоряжению немецкого офицера по имени Пауль созвано якобы на собрание в помещение школы. Там предложили выехать из деревни в немецкий тыл. Желавших не оказалось. Тогда всех заперли и вызвали карательный отряд. Всех выводили из школы под конвоем и выстроили в строй. Затем под конвоем погнали. Каратели были вооружены автоматами и пулеметами. Взять что-нибудь из вещей теплой одежды и продукты питания никому не разрешалось. Отправили, в чем явились на собрание в школу. Погнали и маленьких детей, 6—8 лет» [21, л. 16-

16 об]. Из свидетельских показаний следует, что угону в Германию подлежали не только взрослые трудоспособные граждане, но и дети, старики. Об отправке в рейх детей свидетельствовала Лебедева, воспитательница Лужского детского дома: «Немецкие изверги угнали в декабре 1942 г. детей, подростков из детского приюта, где я работала и была этому свидетельницей. Дети были отправлены вшивые, грязные, голодные, в летней одежде, всего 36 человек» [22, л. 4].

Таким образом, документы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских преступлений на территории Беларуси и России являются фактически единственным значимым источником для их раскрытия. При этом важность и определённую значимость имеют низовые материалы — протоколы допросов, заявления очевидцев, в которых зафиксирована информация, имеющая определённый интерес для раскрытия полноты картины происходящего. Примером чему служат выше указанные факты как в отношении уничтожения цыганского народа, так и в случае сопротивления советских военнопленных. Нельзя отбрасывать и эмоциональную составляющую данных документов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00004; № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941—1944 гг.». (The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-59-00004; Г20Р-287 «People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941—1944»).

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 81.
2. Государственный архив Псковской области (далее — ГАПО). Ф. Р-644. Оп. 1. Д. 135.
3. ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 3. Д. 12.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 92. Д. 219.
5. Ковалев Б.Н. Акты ЧГК (Чрезвычайной Государственной Комиссии) о преступлениях Голубой дивизии под Новгородом (1941—1942 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73. Т. 1. С. 88-92.
6. Асташкин Д.Ю. Холокост и суды над нацистскими военными преступниками в РСФСР: Смоленский процесс 1945 года // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2018. № 6(18). С. 16.
7. Корсак А.И. Генацыд яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі генеральнай акругі «Літва» (на прыкладзе заходніх раёнаў Віцебскай вобласці) // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М.Машерова»: сборник научных трудов. Витебск, 2010. С. 94-98.
8. Розенблат Е.С. Холокост — геноцид — этноцид. К терминологии вопроса // Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в исторической памяти народа: сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы. Брест, 2020. С. 163-168.
9. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 92. Д. 210.
10. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 92. Д. 212а.
11. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 92. Д. 220.
12. ГАПО. Ф. Р-903. Оп. 3. Д. 119.
13. ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 180.
14. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 84. Д. 7.
15. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 84. Д. 12.
16. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 84. Д. 9.
17. ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 170.
18. ЦГА СПб. Ф. Р-9421. Оп. 1. Д. 131.
19. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 92. Д. 221.
20. Красноженова Е.Е., Гребень Е.А. Остарбайтеры белорусско-российского пограничья: условия жизни и труда в Германии и Прибалтике (1941—1944) // Вопросы истории. 2021. № 11(1). С. 18-27.
21. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 239а.
22. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 30. Д. 164.

References

1. Central'nyy gosudarstvennyy arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb) [The Central State Archive of St. Petersburg (SPb CSA)]. F. P-9421. Op. 1. D. 81.
2. Gosudarstvennyy arhiv Pskovskoy oblasti (GAPO) [State Archive of the Pskov Region (PR SA)]. F. P-644. Op. 1. D. 135.
3. GAPO [PR SA]. F. P-903. Op. 3. D. 12.
4. Gosudarstvennyy arhiv Rossiyskoy Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (RF SA)]. F. P-7021. Op. 92. D. 219.
5. Kovalev B.N. Akty ChGK (Chrezvychaynoy Gosudarstvennoy Komissii) o prestupleniyah Goluboy Divizii pod Novgorodom (1941—1942 gg.) [Acts of the ChGK (Extraordinary State Commission) on the crimes of the Blue Division near Novgorod (1941—1942)]. Vestnik of NovSU, 2013, no. 73, part 1, pp. 88-92.
6. Astashkin D.Yu. Holokost i sudy nad nacistскими voennymi prestupnikami v RSFSR: Smolenskiy process 1945 goda [The Holocaust and war crimes trials in Russia: The Smolensk Trial of 1945]. Memoirs of NovSU, 2018, no. 6(18), paper 16.
7. Korsak A.I. Genacyd yayreyskaga nasel'nicтва na terytoryi general'nay akrugy "Litva" (na prykladze zahodnih rayonay Vitebskay voblastci) [Genocide of the Jewish population in the territory of the General District "Lithuania" (on the example of the western districts of Vitebsk region)]. In.: Uchyonye zapiski UO "VGU im. P.M.Masherova": sbornik nauchnykh trudov. Vitebsk, 2010, pp. 94-98.
8. Rosenblatt E.S. Holokost — genocid — etnocid. K terminologii voprosa [Holocaust — genocide — ethnocide. To the terminology of the question]. In.: Proc. Of "Velikaya Otechestvennaya vojna 1941—1945 gg. v istoricheskoy pamyati naroda". Brest, 2020, pp. 163-168.
9. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 92. D. 210.
10. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 92. D. 212a.
11. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 92. D. 220.
12. GAPO [PR SA]. F. P-903. Op. 3. D. 119.
13. CGA SPb [SPb CSA]. F. P-9421. Op. 1. D. 180.
14. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 84. D. 7.

15. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 84. D. 12.
16. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 84. D. 9.
17. CGA SPb [SPb CSA]. F. P-9421. Op. 1. D. 170.
18. CGA SPb [SPb CSA]. F. P-9421. Op. 1. D. 131.
19. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 92. D. 221.
20. Krasnozhenova E.E., Greben E.A. Ostarbaytery belorussko-rossiyskogo pogranich'ya: usloviya zhizni i truda v Germanii i Pribaltike (1941—1944) [Ostarbeiters of the Belarusian-Russian border: living and working conditions in Germany and the Baltic Region (1941—1944)]. *Voprosy istorii*, 2021, no. 11(1), pp. 18-27.
21. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 30. D. 239a.
22. GARF [RF SA]. F. P-7021. Op. 30. D. 164.

Krasnozhenova E.E., Korsak A.I. Acts of the Extraordinary State Commission (ChGK) as a source on the genocide of the civilian population of Belarus and North-West Russia (1941—1944). The article is devoted to the analysis of eyewitness accounts of Nazi crimes in the North-West of Russia and Belarus, reflected in the acts of the Extraordinary State Commission and numerous testimonies. Based on the content of the documents of the ChGK, it is possible to conditionally distinguish the following categories of crimes of the occupation authorities in the studied territory: crimes against civilians, including the genocide of Jews and Gypsies; the punitive policy of the Nazis against the victims of burned villages; crimes against prisoners of war camps and camps for the civilian population, prisons; hijacking of civilians for forced labor on the territory of the Third Reich. The documents of the ChGK on the investigation of Nazi crimes on the territory of Belarus and Russia are a significant source for their disclosure. At the same time, grassroots materials also play a significant role — interrogation protocols, eyewitness statements, which contain valuable information that makes it possible to recreate the picture of the events that took place in the occupied territory and preserve the memory of the victims of Nazism.

Keywords: the Great Patriotic War, the North-West, Belarus, occupation, Nazism, crimes, eyewitnesses, victims, acts of the Extraordinary State Commission (ChGK).

Сведения об авторах. Елена Евгеньевна Красноженова — д-р ист. наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Россия, г. Санкт-Петербург); ORCID: 0000-0003-1679-8590; eleena@inbox.ru; Алесьа Иосифовна Корсак — канд. ист. наук, доцент Полоцкого государственного университета (Республика Беларусь, г. Полоцк); ORCID: 0000-0003-1634-3721; ale-korsak@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2022. Принята к публикации 01.03.2022.

Ссылка на эту статью: Красноженова Е.Е., Корсак А.И. Акты Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) как источник по геноциду гражданского населения Беларуси и Северо-Запада России (1941—1944 гг.) // *Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 2(41). С. 165-171. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).165-171*

For citation: Krasnozhenova E.E., Korsak A.I. Acts of the Extraordinary State Commission (ChGK) as a source on the genocide of the civilian population of Belarus and North-West Russia (1941—1944). *Memoirs of NovSU*, 2022, no. 2(41), pp. 165-171. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.2(41).165-171